

Владимир
СУДАКОВ
г. Петрозаводск

Из МУРМАНСКА через МОСКВУ

или Четвертый

**«Приветствую желание Союза писателей России...
совместно с Мурманской епархией провести Славян-
ский ход на автобусе от первого памятника
святым равноапостольным Кириллу и Мефодию в Мур-
манске к памятнику святым равноапостольным бра-
тьям, установленному в Москве на Славянской площа-
ди... 2 мая – день Пасхального поминовения усопших –
Радоница и день памяти святой блаженной Матроны
Московской.**

**Предполагаю в этот день, если Господь благословит,
совершить Божественную Литургию в Покровском
женском монастыре города Москвы.**

**Готов встретиться с участниками Славянского хода
в Патриаршей Резиденции в Даниловском монастыре
для беседы за чаем в 16 часов. Полагаю, что таким обра-
зом будет достойно отмечена дата 20-летия первого
празднования памяти Славянских просветителей».**

**Из послания Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II
Его Преосвященству архиепископу
Мурманскому и Мончегорскому Симону
от 14 марта этого года.**

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАЗДНИКА

Звонок председателя правления нашей писательской организации Союза писателей России К.В. Гнетнева по телефону: «Мурманчане опять организуют Славянский ход через города... Просят кого-нибудь из наших присоединиться. Я не могу. Поедешь?...»

Это ж какой подарок! В кои веки (и на какие неконвертируемые) соберусь в эдакое кольцо по ста-ринным русским городам!

Однако... Однако легла в роддом дочь Мария, первый ребенок у нее, и о каких-то небольших осложнениях мои женщины перешептываются. Успею ли обернуться? И заодно, мало того что восьмидесятилетний юбилей тестя проезживаю, так еще и «его» День Победы! Что делать?..

Звонок из Валдая от недавно «вычислившего» меня товарища по студенческой общаге Женьки Мар-

В МУРМАНСК

Славянский ход

голина, уже все где-то прознавшего: «Так ты что, будешь ли?...» – «А Николай Колычев едет?...» – «Едет». Решено, собираюсь. Жена почти молча согласилась...

Все началось с первых после долгого перерыва, первых после революции Дней славянской письменности и культуры, организованных именно мурманчанами у себя на излете мая восемьдесят шестого.

И – началось! Вологда, Новгород... В Новгород я рискнул попасть. Никого не зная в этом городе, но пропустить такое?! Короче, вскоре я вылез из кабины нашего сортавальского дальнобойщика Александра Щукина: у него, пишущего тонкие юмористические миниатюры и потому ходившего на занятия городского литобъединения, случился для меня кстати рейс в ту сторону, и он, экономя мои дензнаки, конечно, подвез меня до окраины тогда еще не Вели-

кого, а просто Новгорода. И я пошел пешком на третий Дни славянской письменности и культуры, проходившие под знаком 1000-летия крещения Руси в днепровской и ильменской купелях, когда праздничный город посетил Патриарх Московский и Всех Руси Алексий II, а в адрес праздника тогдашний руководитель Советского Союза (не к ночи будет помянут) М.С.Горбачев послал особое приветствие, то есть Дни из писательско-общественных и регионально-областных стали немного и государственными.

Нашел в Плотницком конце гостиницу «Славянская», в которой, знал я, разместились гости праздника. В том числе и недавний руководитель нашего петрозаводского литобъединения, а теперь москвич поэт Валентин Устинов: уж он-то не даст пропасть. И не дал, поселив в своем, на пару с товарищем, номере (матрас на полу – лучше некуда!). Походы по древней северору-

сской столице, откуда вышел-отчалил к Дышащему морю навсегда неведомый мне мой здешний славянский предок, концерты, заглавный творческий вечер с выступлениями знаменитостей (Никита Толстой, Дмитрий Балашов, Сергей Залыгин, Георгий Жженов...), когда огромный зал был полон так, что не один я сидел на ступеньках в проходе, долгие литературные разговоры москвичей и новгородцев в номерах гостиницы, а я их невольный свидетель-слушатель, был посанжен (осознанно не давая стоять-ситься им?) между Устиновым и Юрием Кузнецовым, и наши долгие и громкие песни в открытые окна...

Один момент – об архитектуре. Не профессионал в этой сфере, как-то неаналитически воспринимая ее, я все не мог выбрать – свою, когда бы при взгляде на строение ответно-легко ворохнулось сердце. И вот когда живьем увидел новгородский Софийский собор, во мне и просквозило ост-

ро: «Мое, родное...» Переводя на чиновничий язык, он, тот беспалестинский собор, всегда был моей неосознаваемой мерой красоты. Заложенной, видать, через гены новгородских ушкуйников, ушедших на Север через Свири, Онего и Водлозеро. А корни сей Софии, да и многое прочего в истории-судьбе-культуре древнего Новгорода, в свою очередь – из Владимирско-Суздальской Руси.

И второе, попутно: когда на хорах Софии раздалось какое-то церковное песнопение (какое, я тогда ни сном, ни духом...) и звуки, отделившись от певцов и певчих, стали ощутимо плавать и клубиться под сводами церкви... А еще это называют акустикой.

Праздничный люд, концерты и речи...

И поездка с Валентином Алексеевичем и каким-то молодым местным поэтом на казенной машине, предоставленной тогдашним здешним писательским руководителем Борисом Степановичем Романовым (он ходил быстро и говорил отрывисто – заботы!), в село Вольная Горка, где жила, кажется, его тетка, в свое время ставшая для Валентина второй матерью. Дорога, старый дом под углом, пожилая женщина в фартуке, который она теребила. Мы с моим новым знакомцем ушли на двор, чтоб не мешать, о чем-то говорили, и – возвращение в город, где продолжался праздник, запомнившись мне, наверно, до смертного часа. Славянский ход.

Москва, 1992 год, очередные Дни, когда на новой, по названию, столичной площади – Славянской открывался клыковский памятник Кириллу и Мефодию. Праздник в космополитичном мегаполисе съежился, начинает иссыхать, в нем все тише и глушше звучит душа и все больше – официоза и серости эстрады. Ярос-

лавский праздник «образца» 1998 года я уже наблюдал только по телеконцерту, когда впервые услышал, как поет молоденькая Пелагея, за которой потом пытался следить по эфиру (малоудачно).

Столицы празднования Дней славянской письменности и культуры, начиная с того, 1986 года, с которого все и началось, и по 1999 год: Мурманск, Вологда, Новгород, Киев, Минск (успели в самые последние полные общие весны единой страны; кстати, я тогда еще не знал, что «Непрядва» и «Днепр» – слова одного корня, и выходило, что вторую битву мы проиграли, а потому какое от нас «Слово о полку...» ждать?), Смоленск, Москва, Херсонес, Владимир, Белгород, Кострома, Орел, Ярославль и Псков... Наступало новое тысячелетие.

А в свой первый Славянский ход, который, таким образом, стал особым, именно их, уже не отдаваемым другим городам продолжением традиции возрожденного ими в России праздника, мурманчане собрались и двинулись весной уже следующего года. Причем – когда Россия отказалась от поддержки своего югославского брата. А они поехали. Чуть позже В.С. Маслов рассказал обо всем в своих заметках «Жива е Россия?» («Север», №4, 1998). Во второй раз «ход» был – в Прагу, в третий – до Новгорода и Валдая, сейчас...

ПЕТРОЗАВОДСК

Утро. Мы ждем гостей у ворот собора в честь Александра Невского. Ночевавшие в автобусе мурманчане (прошлым вечером, потом выяснилось, побродили они по старинной нашей Кеми, посмотрели на тамошние уникальные соборы, ужинали в мужском монастыре) что-то опаздывают. Служба, которую ведет епископ Петрозаводский и Ка-

рельский Мануил, идет вовсю, а их все нет. Наконец по мобильнику докладывают: «Проехали станцию Шуйскую... Едут по улице... Ну, вот и они!

Обниманья со знакомыми ранее, знакомство-рукопожатья с остальными, их уход в собор, после чего у них по плану возложение венков и молебен на могилах бывших редакторов журнала «Север» Дмитрия Яковлевича Гусарова и Олега Назаровича Тихонова. Потом была встреча с депутатами нашего Законодательного собрания. А еще встреча с художниками нашей республики, экскурсия в Музей ИЗО, где среди прочего продолжалась выставка работ сорта вальца народного художника России Кронида Александровича Гоголева, общая встреча с писателями, редакторами журналов и газет в Национальном театре...

Представление гостей. Надежда Большакова: «Я очень рада, что опять в Петрозаводске... В этом году сошлись даты – 20-летие Дней славянской письменности и культуры, возобновившиеся после времен царской России – именно у нас, в Мурманске (организатор – Маслов), 70-летие со дня рождения создателя мурманской писательской организации Бориса Степановича Романова и 70-летие же Николая Михайловича Рубцова... Одна из целей хода – наладить творческие связи в наше время, когда мы очень редко видимся, а наши книги выходят редко и недоступны в других областях...» Дмитрий Коржов: «Даже в Мурманске, кажется, меня не публиковали так много, как в родном для мурманчан журнале «Север»...

Рассказ профессора Мурманского государственного педагогического университета Надежды Георгиевны Благовой, участницы первого Славянского хода: «Первый мурманский Праздник проходил «замаскированно» как Дни Баренцева моря с

подзаголовком «Дни славянской...» Мы у себя стали проводить конкурсы «Храмы России», его победители награждаются поездкой в Соловки, а сейчас и – «Берег России», победители которого потом путешествуют по поморскому Терскому берегу. Уже сейчас получили более 800 работ ребят... Проводим уроки слова в школах... Одна из гимназий, где ведется изучение славянских языков, славянской истории, хочет получить наименование «Славянская», но пока не разрешают...»

Поэт и прозаик и автор песен (и исполнитель, так что спрашивайте его диски в продаже) Николай Колычев, этой весной ставший лауреатом литературной премии «Ладога» имени Александра Прокофьева и которого позже представлял на выступлениях такими словами: «Один из лучших современных в России поэтов...», его стихи и песни.

Краевед, создавшая в своей школе саамский литературный кабинет, Виктория Борисовна Бакула, участница первого и третьего Славянских ходов Татьяна Васильевна Рыжова, духовный наставник экспедиции отец Сергий, фотокорреспондент из Кандалакши Владимир Викторович Зяблов, руководитель Мурманского отделения Литфонда Людмила Александровна Демина, вдова Виталия Семеновича Маслова Валентина Устиновна, врач хода и сын недавно ушедшего из жизни поэта-моряка Викдана Синицына Александр, преподавательница истории из Оленегорска и создатель музея славянской культуры в своей школе Светлана Саттаровна Чемоданова, студентки Мурманского государственного педагогического университета второкурсница Анастасия Комарова, Марина Бакула, которая всю поездку была ответственной за то, чтобы хозяева и гости его заносили свои пожелания и впечатления в особый «ходовский» журнал, который

я очень условно назвал «книгой предложений». Методист областного центра культуры и руководитель ансамбля «Варзуга» Ирина Дубовская: «В свое время Д.М.Балашов собрал множество поморских песен – хороводных, лирических, рекрутских. Наш областной центр, выкупив эти фонды, тексты с нотами, публикует их малыми тиражами. Уже вышла седьмая книга, на этот раз – «Рекрутские песни Белого моря». Их исполняет наш кандалакшский фольклорный ансамбль «Варзуга»...» И спела начало обрядовой свадебной – когда жених и невеста идут из дома в церковь. Впечатления от услышанного (особый поморский выговор, непривычная для нашего эстрадно-попсового времени мелодия) мне, конечно, словами не передать, тут надо самому стать свидетелем исполнения этого – из дальнего далека, но такого близко-родного...

Информация кандидата экономических наук, доцента кафедры отечественной истории Мурманского педуниверситета, но здесь пребывающего в своем третьем лице – директора Мурманского областного книжного издательства Игоря Борисовича Циркунова о выпускающихся там в последнее десятилетие пяти сериях журнала «Бизнес на Мурмане», в том числе о номерах, посвященных Рубцову и Клюеву, В.С.Маслову и Д.М.Балашову, о книге стихов на русском и саамском Ивана Матрехина. И вручение «ходовской» грамоты «Писатели Русского Севера – возрожденному празднику Славянской письменности и культуры».

Погрузка в автобус, по борту которого шла крупная рубцовская надпись «Россия! Русь, храни себя, храни...», видная на площади Кирова издалека. Храни! Рассказываю гостям, что прежде эта площадь называлась Соборной, так на ней стояло аж две церкви (одна – малая копия московского

храма Христа Спасителя), но они были уничтожены, появился памятник С.М.Кирову и... В этой рядовой для России трагедии нет никакой особенности, так было почти везде, новизна тут в другом: часть нашей местной интеллигенции который год «поднимает вопрос» о... Нет, не о возвращении площади прежнего, исторического, наименования, а о – переименовании ее в Театральную. Мол, на ее концах аж три театра. Такая вот логика. Не берущая в расчет и того даже, что географически северное театральное здание своим краем, кажется, «попирает» одну из былых церквей, а она все одно светится невидимо. И – ночь в пути, когда в креслах не вытянуть ног и не прилечь более-менее нормально. Ну, о водителях экспедиции на их «Ссанг-Енге» корейского производства из Североморска что и говорить – работали, отыхая только на подмене. У Николая Николаевича Веселова это уже третий «ход» (был в «черногорском» и «пражском»), а у Андрея Анатольевича Алексеева первый.

Из «книги предложений»:

«В светлые дни радости! Т.Юфа...» (наша знаменитая художница около своей подписи пририсовала и рыбку. – В.С.), «...Рады встрече в Светлую Седмицу. Счастливого пути Славянскому ходу. Е.Маркова», «Помогай Всем – Славянскому ходу – и Матерь Божия противостоять... бесовской нечисти, разрушающей Св. Русь. Мы все, люди, слабы, но с Богом – сила неодолимая. И.Рогощенков», «Мы выживем, если будем вместе... К.Гнетнев», «Господи, как я вас всех люблю. Раиса Мустонен»...

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И КРОНШТАДТ

Утренняя окраина северной столицы, улица (кстати) Шотмана, 7. Музей Н.М.Рубцова при библиотеке №5, с марта 1998 года получившей его высокое имя. Как говорят хозяева, в России насчитывается «около тридцати» рубцовских музеев, в том числе и с хорошими коллекциями. Включается магнитофонная запись с голосом поэта, сделанная в 1962 году на квартире Бориса Тайгина: «Читаю сам...» и далее его стихи «Фиалки», «Я весь в мазуте, весь в тавоте...» и еще множество. Стенды с фотографиями (все памятники поэту), с письмами и книгами – сборник 1961 года «Первая плавка» с произведениями членов литобъединения при газете «Кировец» ленинградского Кировского завода, в которое ходил молодой Рубцов, сборник «На вершине земли Кольской» о Рубцовских чтениях в г.Апатиты Мурманской области, изданная в 1994 году, «Словарь языка и рифм поэзии Н.Рубцова» (Череповец, 2005, 1000 тыс. экз.) профессора Череповецкого пединститута М.И.Сидоренко. «А знаете, какое самое частотное слово в его стихах?..» Никто из нас не отгадал. Оказалось, «душа».

Гитара-семиструнка с шестью струнами, подарок Тамары Алексеевны Горшковой: «На ней играл иногда Николай Михайлович... Мы ее не всем показываем...» Стихи Николая Астафьева, посвященные поэту: «Над могилой Рубцова дождь и небо свинцово...», других здешних авторов... На стене объявление о том, что «...29 апреля в 12 часов Клуб любителей поэзии «Рубцовская суббота». Тема заседания – «Творчество Н.М.Рубцова в исследованих Л.П.Федуловой. Встреча с людьми, знаяшими поэта. Исполнение песен. Чтение стихов...»

Прощаясь, прошу передать привет Н.Астафьеву, давнему другу библиотеки: с ним мы вместе однажды обучались военной журналистике на сборах в Сертолово, на окраине Ленинграда, и сейчас издаля по возможности следим за жизнью-творчеством друг друга. Хотелось бы встретиться и с давним дружком-поэтом, уроженцем Вологодчины, но почти «всю свою сознательную жизнь» проживающим в этом каменном городе, однако так и не потерявшим в своих стихах русско-деревенского дыхания, Александром Лютиным, но...

Автобус, путь в Кронштадт. Комментарий сидящего передо мной капитана второго ранга («В отставке», – неизменно добавлял всегда он), поэта Александра Попова, последние почти два десятка лет служившего и живущего в мурманском «секретно-морском» городке Гаджиево: «Во-о-он Петропавловка, Нахимовское училище, за ним «Аврора», правее...» Только сейчас я узнаю, что отец Сергей – тоже бывший каворант Сергей Поливцев. Его жена матушка Ирина, тоже участница хода, – поэтесса, руководительница паломнической службы Мурманской епархии, а их сын Андрей – кадет.

Сбоку ведут свой «учительский» разговор две мурманчанки. Г.Н. Смирнова: «А я люблю давать «Матерь человеческую» Виталия Закруткина. Так хорошо идет...» По Неве плывут из моей отцовско-материнской Ладоги льдины. На высокой бетонной придорожной тумбе, приготовившись, видимо, крепить рекламу, сидит рабочий, но, заметив надпись на борту нашей машины, читает ее, поворачивая вслед за нами голову: «Россия! Русь...»

«Ведем работу, чтобы улицам вернули старые названия, ну а со-бор... По этой стороне улицы любил ходил Иоанн...» – из рассказа подсевшего к нам экскурсовода.

Недалеко от «его» собора и музей Святого Праведника Иоанна Кронштадтского, созданный в квартире, где он когда-то жил. Поминальные и заздравные свечи у иконы, записки с просьбами, обращенными к отцу Иоанну, чтобы тот молитвенно просил за близких... Каждый писал ему дорогие имена. И я тоже...

Едем на главный боевой причал Балтфлота. Несколько вмерзших в лед судов неизвестного мне назначения, нам – на борт океанографического исследовательского судна «Адмирал Владимирский». «Личный состав сокращается, наши суда сейчас не выходят из Балтики в океан, только мы одни недавно это сделали...» – сказанные подчеркнуто нейтрально горькие слова капитана 1-го ранга Александра Васильевича Пушкина. На причале треснувшая напополам памятная доска к 70-летию ВЛКСМ, а посреди малоухоженная, как помягче сказать?.. Не стану вообще говорить, что не обидеть гостеприимных хозяев. Драматично все

это. Балтфлот в прошлом? Славянский ход?..

18.15. Морское собрание. По-сухопутному если, то Дом офицеров. Начало литературного вечера, который повели Н.Большакова и один из руководителей правления Союза писателей России, некогда моряк-североморец, а ныне кронштадтец Борис Александрович Орлов. Выступление Валентины Устиновны Масловой с рассказом о муже, с чтением стихов – матушки Ирины (о «Курске»), Марине Чистоноговой («Открытый храм. Пойди навстречу, знаменье крестное творя. Россия. Златно светят свечи...»), Николая Колычева: «Мой дядька по отцу после войны был комендантом Кронштадта... Мурманск – это взморье и взгорье... Вся Россия скорбит, значит, мы остаемся народом...», Дмитрия Коржова («А сейчас я прочту о Сербии...»), мурманчан-педагогов Светланы Чемодановой – о втором «ходе» в Прагу, об опы-

те организации молодежных лагерей в Болгарии, Виктории Вакула – о третьем «ходе».

И песни. В исполнении Н. Большаковой – на саамском языке (на слух просматривались «звуки» из финского и, извините... украинского): «Моя крестная, наша сказительница Софья Якимович пела...», а также в исполнении Андрея Поливцева – о Беслане («Наша жизнь – террор...»), и на пару отца Сергея и матушки Ирины (он сидел, играя на гитаре, она стояла за его правым плечом) – на слова Виктора Леонтьевича Тимофеева: «Над Мурманском сопки, и только рябина по улочкам нашим шагает...» Ну и марш «Прощание славянки», у которого, к стыду своему, узнал только незадолго до этой поездки, оказывается, – имеются и слова, тем более такие в его вроде чисто музыкальном проигрыше между куплетами: «Встань за веру, Русская земля!..» Дополнительно оговариваюсь, что на исполнение песен отец Сергей получил благословение своего епископа Симона.

Из «книги предложений»: «За все добро расплатимся добром... Т.А.Абрамова, литературный музей «Н.Рубцов. Стихи и судьба», «С верой в грядущую Русскую Победу. К.Душенов», «...И пусть русская земля и русские люди встречают вас как братьев по крови и духу. Мурманчане всегда были примером хранения наших традиций. Б.Орлов», «Христос воскресе! Спаси Господи наших гостей...»

НОВГОРОД

Экономно-короткий «информационный», как мы договорились дома, что, мол, все хорошо, звонок жене: «Я в Новгороде...»

«Крепость» – это «крест» и «пост»... – такими и подобными образами пересыпал свою тихую

речь наш ведун-рассказчик Анатолий Сергеевич Ануров. – За Новгород молятся около ста девяноста святых. Тех, кого мы знаем, а сколько еще не знаем...»

Мимо нас прошла небольшая группа туристов, говоривших на громком английском: «Ярослав Мудрий...»

«...В некоторых местах культурный слой достигает девяти метров, по двадцать семь-двадцать восемь слоев мостовин...» Меня же, кроме прочего, гложила (так можно сказать?) мысль, где же находилась старинная улица Корельская, ибо названа она была в честь древнего же города Корела (ныне Приозерск в Ленинградской области), тогдашней, в XIV-XVII веках, «столицы» Корельской земли, в состав которой входило и мое Северное Приладожье с деревеньками по берегу залива Ляпляярви, из которых в 1640-х годах был «слеплен» город Сордовалла, как его звали тогда основатели-шведы, а в русской огласовке – Сердоболь. Славянский ход.

До отъезда перерыв всевозможные книги, здесь, в гостинице, увидел свежую карту, на которой были указаны некоторые из тех улиц, но моей – не было! Но и наш «ведун» ничего мне сказать не смог.

Фотографирование на фоне кремля на мосту. Подходит некто из местных: «Ваша фамилия не...?» – «Естественно». – «А я – Сергей Иванов, который...» Мать честная! Да это ж тот самый молодой поэт, ездивший в Вольную Горку!.. «Если только курить перестану, то вообще никогда не помру!..» – эти строчки из одной из его подборок в «Севере» я мгновенно вспомнил.

Кремль. Н.Большакова вслух: «Я в Новгороде училась, у меня свадьба была здесь, в детинце...» Святая София, свечка у иконы Богородицы с просьбой о дочери, уже немецкие туристы, выход наружу, а у дверей – девочка, как теперь «толерантно» принято выра-

жаться, кавказской (или азиатской?) национальности: «Помогите Христа ради...» И с верхом наполнилась монетами ее узкая смуглая (мусульманская?) ладошка... Славянский ход.

Встреча с представителями здешней «власти и депутатского корпуса» заместителем председателя областной Думы Валентином Георгиевичем Макаровым, заместителями председателя комитета Думы по культуре и туризму Верой Васильевной Трухиной и Сергеем Викторовичем Трояновским: «С Новгородской землей связаны имена Соллогуба, Виталия Бианки, Некрасова, Балашова... У нас проводятся Балашовские чтения... Школьники с шестого по одиннадцатый класс участвуют в конкурсах «Храмы Новгородчины», «История Новгородского края», «Огненные годы»... (хозяева).

«Может быть, осенью мы позовем 20-30 участников ваших конкурсов, пусть встретятся они с нашими...» (В. Тимофеев).

«...В 2009 году исполнится 1150 лет Великому Новгороду. Помогаем своим писателям, в 2006 году бюджет писательской организации составил 325 тысяч рублей, литераторы получают 14 стипендий имени Достоевского и Державина по 720 рублей...» (хозяева).

«В России есть региональные литературные премии – имени А. Прокофьева, Н. Рубцова, П. Ершова, написавшего «Конька-Горбунка», их много. А ваш Гаврила Романович, он и наш – был первым губернатором новообразованной Олонецкой губернии, в которую, кроме сегодняшней территории Республики Карелия, тогда входила и часть теперешних земель Архангельской и Вологодской областей. Губернатор-поэт. И такой общегосударственной, общеславянской величины! Мои петрозаводские коллеги-писатели недавно сформулировали идею учредить

межрегиональную, в пределах пусть нашего Северо-Западного федерального округа, литературную (или шире – творческую) премию имени нашего такого навсегда общего Державина. Будет та же общая премия, будет еще одна крепящая нас воедино сердечная нить судьбы. Предлагаем властям и депутатам всех краев округа обсудить эту идею и...» (В. Судаков).

Встреча с работниками Новгородской центральной библиотеки имени Д. М. Балашова, где действуют курсы для учителей по творчеству писателя и хотели собрать всю его публицистику и приступили к изучению жизни и творчества Б. С. Романова.

Улица. Мурманчане каким-то образом разглядели в проходящем мимо солдатике земляка, бросились собирать ему гостинцы...

Областная центральная научная библиотека, главный творческий вечер встречи гостей и хозяев, на которую пришла и дочь Б. С. Романова Елена Борисовна Мелехина, прочитавшая стихи отца («Россия – это не Москва...»), в том числе и о себе, выступления поэта Руслана Дериглазова («Такого праздника, как у нас в восемьдесят восьмом, не было нигде...») Масштаб личности Бориса Степановича мы еще не осознали. Жил бы он, сегодня мы встречались бы в Москве... Ярчайший патриот. Сколько в Мурманске сделал!.. А здесь – организация Державинских чтений, создание в 1989 году и руководство газетой «Вече» – одной из первых нового типа писательских изданий страны. Остановил постройку убийственно-го для жителей цеха на комбинате «Азот». Он и умер – мужественно, с открытыми глазами. После его ухода в жизни Новгородчины зияет прогал, который до сих пор не заполнен...» И со старой магнитофонной ленты прозвучал знакомый голос Бориса Степановича, запись января 1994 года.

Новгород

В.Тимофеев: «Он – наиболее яркая фигура в советской морской романистике. Его повесть «Мила» – из числа 20-30 самых значительных произведений русской словесности последних лет... Надо радоваться, что такие люди появляются на Русской земле, и можно надеяться, что такие – будут появляться... Это был один из лидеров своего времени, он – первый с 1934 года руководитель Союза писателей России, который не москвич, а из провинции...» Почетный гражданин Великого Новгорода, организатор новгородского Клуба юных моряков Николай Геннадьевич Варухин: «Когда он узнал, что в державинском имении Званки собираются строить свинарник, сколько раз ездил в Ленинград, бился... И Валдайский заповедник – тоже его работа... Он в школах всегда рассказывал о России, и дети его просили – еще, еще... Наверно, мы сами виноваты, что такое случилось с Россией...»

Едем к директору Центра культуры «Музыкальные древности» Владимиру Ивановичу Поветкину в его Центр мимо балашовского гнезда на улице Никольской. «В этом доме с 1984 по 2000 год жил исследователь народной культуры, русский писатель и историк, почетный гражданин Великого Новгорода Дмитрий Михайлович...» Кстати, не заметил, чтобы в Новгороде окна первых этажей были, как у нас, зарешечены. Ни одного такого. Не повезло? И на улицах часты высокие, укрытые цветами, ящики для сбора мусора с надписью по-«зедшнеруссски»: «...для смета».

В Центре музыкальных инструментов (отдельный большой дом), создатель которого В.И.Поветкин, – царство старинной музыки и инструментов. Своего рода и музей, и театр, так как здесь показывают старинные (в основном, русские) музыкальные инструменты

от дудок до гуслей и далее, рассказывают о их происхождении, родстве с иными, о том, как они были обнаружены этнографами и археологами, а затем по сути заново воссозданы этим человеком:

«Гусли-псалтыри появились в Новгороде не ранее четырнадцатого века, а в Западной Европе на сто лет раньше... Известны гусли велообразные – их обломки найдены в слое 1070-1080 годов... На самом деле это примитивное изобретение – гениально!.. По современным СМИ вы не услышите ни одной русской песни, а они – воспитание защитника Отечества!..»

Из «книги пожеланий»: «Вы делаете нужное дело! Заместитель председателя Новгородской областной Думы Владимир Макаров», «Огромное спасибо за то, что вы есть... Центральная детская библиотека имени В. Бианки. Богатырева Любовь Ивановна», «Пройдут года, пройдут века, и будет снова велика моя Россия. Диана Радес, 28.04», «Поклонь дорогим гостямъ... Лета... апреля... дня» (мой компьютер не обучен старославянскому языку, потому и не могу полностью верно воспроизвести запись букв и цифр, сделанных В.И. Поветкиным. – В.С.), «Я счастлива, что с вами. Знайте, что каждый из вас желателен в балашовском доме. Спасибо вам за память о Балашове, Романове. Люблю и всегда жду. О.Балашова (вдова писателя. – В.С.)», «Мурманчане, вы, как всегда, на голову выше всех... Е. Мелехина...», «Рад бесконечно встретить вас... в деревне Станки. До встречи в Москве. О.Бавыкин. 30.04»...

СТАНКИ, ДОРОГА И БЫЛИННЫЙ ВАЛДАЙ

В этих Станках мы ночевали и заходили в дом-дачу, которую начал строить Б.С. Романов, но не

успел довести под крышу. Доделывал его сын Владимир. Некоторые даже парились в бане с ним (остальные уехали мыться в город). Полок, веник, ну и разговоры всякие – дело обычное. Но вот когда руками разгребаешь двадцатисантиметровые иглы шуги, чтобы окунуться, не поцарапавшись!.. А озеро мелкое, а обратно по шуге же и шагать...

Пытался, как теперь говорят, отзвониться домой: «Елена, иду в баню...», и дальше звонок срывался, хотя я в итоге поднялся на вершину самого высокого здешнего холма. Так жена и не узнала тогда, где же эта баня находится.

Ранним утром 28 апреля отъезжаем на юг. Неплохая междустоличная трасса, но у нас новые участки той же «Копы» или дороги от Петрозаводска к госгранице, через хотя бы Долину смерти около Питкяранты, – много, много «европеистей».

«Яжелбичи», – читаю я надпись на дорожном указателе вслух, дабы так мелко спровоцировать на какую-нибудь реакцию Сергея Иванова, с кем мы теперь теснимся рядом. Он и комментирует: «Вот Окуловка, райцентр... Крестцы, а справа станция Торбино, Волчья Яма, моя родина...» Слева мелькнула надпись с названием очередной деревни: «Ижицы! Только на корнево-русской Новгородчине, наверно (или еще где?), можно встретить деревенку по имени буквы родной кириллицы...

Валдай. Первым делом – на могилу Бориса Степановича, чтобы отслужить молебен, передать горсть тоже родной для него мурманской земли. На холмике – якорь, вмонтированный в камни (и сюда воры добрались?), служится молебен, почему-то не загорается на ветру свеча у Николая Колычева...

И заметил из окна, что парочка обнимавшихся подростков вдруг

перестала это делать, обернувшись на наш автобус, читая надпись на его борту...

Меня в Валдае встречал мой тот самый сосед по студенческой комнате в петрозаводской общаге Евгений Наумович Марголин. Среди прочего, до сих пор помнятся его рассказы об отце-артиллеристе Науме Соломоновиче. Кстати, только сейчас я узнаю, что он, будучи командиром артбатареи, участвовал и в советско-финляндской войне где-то под Питкярантой. Просьба к товарищу разыскать более подробную информацию на сей счет... Умер почти год назад. Сходил к его могиле на невысоком бугре под соснами. Евгений... Нет, привычней все же сказать «Женя». Женя – учитель истории Яжелбицкой средней школы, кроме сугубо учительских дел увлечен авторской песней, даже входит в состав организаторов жюри местного фестиваля авторской песни «Норд-Вест» (он сразу после нашего отъезда и махнул в Боровичи, на уже другой фестиваль: песни, палатки, сплав по речным порогам на лодках...), иногда пишет краеведческие материалы, которые печатает местная газета «Валдай». Подарил мне и моей жене на память валдайский колокольчик, я отдался как смог.

Его тихий дом, мама Софья Юльевна, разговоры о нашем университете прошлом и сегодняшнем настоящем. В том числе на острогорячие, эти вечные русские темы, когда все мы становимся юношески-молодыми.

Здешний музей колоколов на взгорье, «Музей уездного города», как он официально именуется, стенд о Всеялоде Сергеевиче Соловьеве (1849–1903): «...известный русский писатель, автор самых читаемых исторических романов конца XIX века «Княжна Острожская», а также...»

Пока мои товарищи ходили по его залам (на Валдае бывал и

наш «сортавальский» художник и поэт Н.К. Рерих, здесь родился его сын Юрий, тут...), Женя показал мне место, где завершился земной путь великого журналиста М.О. Меньшикова, и не только журналиста, по жизни и творчеству которого районная библиотека с 1995 года участвует во Всероссийских Меньшиковских чтениях.

Небширокий переулок Приозерный, последний по номерам двенадцатый дом, заканчивается бульяжная мостовая, земляной конец переулка утыкается в легкую воду Валдайского озера с отдельными льдинами, на том берегу – размытый силуэт Иверского монастыря: «Вот здесь 20 сентября 1918 года выездная группа ЧК и...»

Женя также рассказал, как чекисты расстреляли тогда «местного» генерала Владимира Андреевича Косаговского, «представителя древнего дворянского рода, командира казачьей бригады в Персии, участника русско-японской войны 1904–1905 годов»: «Пришли в темноте, предупредили, мол, на рассвете... А он вернулся в дом, опять вышел на крыльцо с горящим фонарем и сам скомандовал: «Целься. Пли!..»

Проведенные в Большом зале администрации Валдайского района пятые (начаты в 2001 году) Романовские чтения, участниками которых мы стали.

На общей встрече звучали разные, приличествующие месту, речи, вручались взаимные подарки, шел обмен мнениями. В тот день моему тестю исполнялось восемьдесят лет, и в далеком отсюда Петрозаводске в его квартире за столом сидели гости. Выйдя на улицу, я поздравил его по мобильнику, среди прочего сказав, что надо еще не менее десяти лет простоять. Вернувшись в зал и заметив наступившую тяжкую паузу, предложил тост за него, ветерана Великой Отечественной, начинавшего войну на полуострове Ры-

бачий, и за все его святое поколение фронтовиков. Предложение было принято. А потом наши вдруг (собственно, почему «вдруг»?) запели: «Прощайте, скалистые горы...», «Как при луге, при лужке...» Оказывается, я-то пою – сокращенный ее вариант! Друзья, спишите слова. Славянский ход...

Заглянул в подаренный здесь поэтический сборник местных авторов «С высот былинного Валдая» (кстати, пример для поэтов и властей других мест). Среди основных тем книги, ясное дело, родной город: «В суровой памяти Валдая хранятся древние пути...» (Владимир Буданов), «Ах, Валдайское мое озеро святое!..» (Анатолий Ларионов). Чем же оно так необычно? «Создал озеро ледник или сам Всевышний?...» И «Когда-то... народы... ища гармонии в природе, в Валдай случайно забрели... и заселили они вскоре отроги Ревеницких гор...» (Виктор Рогоцкий). Заселили, обжились и рады, что «озерный сладкий чай – сахару не надо». Или по рыбакской причине – «Ах, валдайская уха да на воскресенье: три плотвички – не плоха, восемь – обалденье!..» (А.Ларионов). Ну, уж тут я, северянин, не соглашусь, ибо у нас из плотвы... Однако я в гостях...

Короче, «Бабье лето на Валдае – и озер зеркальных гладь...» (Леонид Трущенков). А «С высот былинного Валдая... бежит, торопится река... Со времени оледененья промыла Полометь-река долины древней углубленья и горы вынесла песка...» (В.Рогоцкий). Это о небольшенькой местной речке, но в этих краях засинаются, расходясь на три стороны света, впадая в три моря – Днепр, Западная Двина и Волга! Я же помню читанную в детстве (подсмотрел в школьной книжке средней сестры Валентины, после свадьбы уехавшей в г. Коломну): когда богатырь Сухман, победивший врагов, оторвал три

листочка, которыми он залеплял свои раны, и упал, то из его ран начались эти три великих русских реки. В разных записях этой былины разные имена у них. Причем один из вариантов записан от поморки Аграфены Матвеевны Крюковой, второй – от оставшегося неизвестным для нас «шальского перевозчика», как обозначил его собиратель (Шала – река неподалеку от родины моих отца и матери, села Песчаное на восточном берегу Онежского озера), третий... Забыл. Но вот почему Валдай былинен.

«Там, где Волги начало, – начинается Русь...» (А.Ларионов). Но на моей Руси не все так ладно, как желалось бы нам и ей: «Была когда-то деревенька на сотню добрую дворов... Угласа бедная деревня... Стоит на горочке церквушка без купола и без крестов...» (В.Рогоцкий, «Моисеевичи»). И в городах схоже: «Поворот. У забора алкаш... Свалка. Трубы. Знакомый пейзаж... А вокруг ходят там и здесь двадцать тысяч слепцов...» (Юрий Герасимов) и т.д.

Но все это – их отчина, и наиболее полно и точно выразил свои чувства к ней (их? наш?) Борис Степанович Романов: «Под солнца светлою ромашкой есть в мире незабвенный край, где на одном конце – Осташков, а на другом конце – Валдай. Он так по-русски, так щемяще согретый солнцем на холмах. Он, ясноглазый и шумящий, ольхой и соснами пропах. Гремит ракетами эпоха! Но вслушайся, эпохи сын: щебечет речка Щебереха среди молвотицких осин. А там, у Яжелбиц, у слива, в пруду, от зелени густом, зеркальный карп неторопливо тугую гладь всплеснул хвостом... И ровно видно издалече... водонапорных башен плечи и звезды скорбные могил... И... прадедовы Гвоздки... На колокольнях давно пожарные сидят... поселки из небытия встают, Игожева пригожей, красивее, чем

Красея... Мой край родной! России песня!...»

Вот уже и у молодых авторов «Несмелые рифмы выводят рука...» (Юрий Лидановский), когда «от взгляда близкого холдеют пальцы» (Ирина Мауткина). В общем, давай «пройдемся с тобою по улицам, по которым плутали дожди...» (Анна Нефедова), где «колоколов трезвон печальный мою печаль уносит с ветром...», и когда «не опишешь, не расскажешь, как оказался на Валдае...» И «Звезда... осветила возвышенность его святую...» (Елена Лазаревская).

«Святую». Все, круг замкнулся. «Дым затопленных башн в поднебесье плывет...» (В.Рогоцкий). И – «нет родин запасных» (В.Романов)! И когда «птаха вопрошают: «Ты чей?», любой из двадцати авторов сборника может ответить: «Я валдайский, я свой...» (А.Ларионов). То есть валдаш. Но «Валдай, как в сказке – между двух столиц встречал поэтов, провожал цариц...» (Николай Машенин). Встретил и нас. А проводит – кого? И «летят гуси над Валдаем...» (В.Рогоцкий). Так оно и было в эти дни! Сам видел. Только летели – на мой, на наш Север...

Былина о Сухман-богатыре, Н.К. Рерих, М.О. Меньшиков, писатель-деревенщик Иван Афанасьевич Васильев (к нему в газету носил свои первые стихи Б.С. Романов), В.С. Соловьев, сегодняшние авторы, начиная с С. Иванова... Поистине Валдай – литературное место.

Прощаясь, Сергей дал мне несколько экземпляров своего сборника стихов «Ветер да поле», вышедшего три года назад в Великом Новгороде (а так бы я где его увидел-прочитал?) с просьбой дарить по ходу хода всем, кому он интересен, что я и делал, как будто автор ехал с нами дальше (Славянский ход). И уже после возвращения продолжу делать. Не уговорили мы его

продолжить с нами путь до Вологды, куда он так хотел попасть и до сих пор не бывал: дела не отпускали. И обещал разыскать через специалистов-музейщиков, где ж все-таки пролегала древняя «моя» Корельская улица. Да, была уж вовсе неожиданная встреча. Во второй раз. Свидимся ли в третий?..

Из «книги пожеланий»: «Уверены, что возрождение России начинается с провинции... Председатель комитета культуры Валентина Юн. г.Валдай», «Любите, действуйте, мужайтесь! Сергей Иванов. Великий Новгород».

«ИЗ ПЕТЕРБУРГА В...» ТОРЖОК И ТВЕРЬ

Торжок возник в конце IX–начале X веков при впадении ручья Здоровец в приток Волги Тверцу. Чем знаменит сей древний град? Да одного того, что почти двухнадельная оборона Торжка весной 1238 года, считают специалисты, сорвала поход темников Батыя на Новгород, что, в свою очередь, позволило новгородцам сохранить свои силы и во главе с Александром Невским... разгромить шведов на реке Неве в 1240 г... а затем и немецких крестоносцев на льду Чудского озера в 1242 г. Русская государственность и культура были спасены...» – это я процитировал путеводитель, купленный в киоске. Или хотя бы тем, что он «стал восьмым по счету городом нашей страны, в котором найдено древнерусское письмо на бересте (после Новгорода, Старой Руссы, Пскова, Смоленска, Витебска, Мстиславля и Твери)». Наконец, строками А.С.Пушкина «На досуге отобедай у Пожарского в Торжке...» И т.д.

Экскурсия по городу, Борисоглебский монастырь...

Тверь. На берегу Волги памятник, естественно, купцу-путешест-

Тверь

веннику Афанасию Никитину, чье «Хождение за три моря» (славянский ход через Персию и до Индии) я прочел в соответствующем детском возрасте. Высокий русич смотрит вдаль, а в руке его... пустая бутылка из-под пива. Его имени, что ли?

На стыке улиц Кропоткина и Новая Заря (сочетание!), за низким заборчиком – Свято-Екатерининский женский монастырь. Здесь у нас, кроме прочего, был запланирован обед (кстати, заметил по-мирскому, что в женских монастырях еду готовят вкуснее, чем в мужских). Рассаживание за длинные столы, какие-то разговоры на том их конце, и звучит вопрос кого-то из хозяек обители: «А как у вас дела с финской литературой?» Виктор Леонтьевич Трофимов объясняет о ситуации в Мурманской области: Свен Локко и т.д. Он просит меня, «национала», дополнить. Говорю в ту сторону, не зная, кто спрашивающий, про писателей-финнов, карел и вепсов, о журналах «Карелия», «Кипния», о газетах с литературными страницами... «А кто же интересуется таким специфическим здесь (монастырь) да еще и во время этой поездки (ход-то славянский) поездки?» «Я», – ответ со знакомым легким акцентом. Позже выяснил у нее, игумены, то есть руководительницы монастыря, Иулиани (Юлия,

если по-светски), что она по рождению финка с именем до пострига Кирси, родом из Хейнола, близ города Лахти. Ровно двадцать лет тому приехала в Советский Союз, поступила в вуз, отучилась немноги и... В монастыре с 1992 года.

Расставаясь, матушка Иулиания предложила в дар по «Новому Завету», довольно большому по формату, ибо шрифт в книге был крупный, как в детских изданиях. Не собирался брать, ибо у меня дома есть «Новый Завет», но тут вспомнил, что Маша ждет ребенка и пусть он, мальчик или девочка, научившись буквам, откроет для себя ее. На крещение внука/внучки и подарим! Взял.

Завершалась Светлая седмица, и матушка Иулиания разрешила забраться на колокольню и позвонить. Некоторые славяне-мурманчане во главе с саамкой Надеждой Большаковой и, конечно, отец Сергий с радостью полезли на верхотуру. Остальные узнали об этом, когда с подоблачной высоты раздался вольный перезвон.

Из «книги пожеланий»: «Дорогие во Христе Мурманчане (именно так, с прописной. – В.С.). Христос Воскрес! Братия Борисо-Глебского монастыря», «Христос Воскрес! Помощи Вам Господней. С уважением, игуменья Иулиания с сестрами. 30.04», «...и успешного завершения этого замечательного крестного (! – В.С.) хода. Ольга Геннадьевна Козлова...» ..., «За единство Русской Земли! Краевед... (фамилия неизвестна). – В.С.».

«ЮЖНЫЕ» ГОРОДА – МОСКВА И ДУБНА

Вечер на первое мая прибыли в столицу, где нас определили на житье-ночевку в Ржевский монастырь, в «Сестричество во имя Свт. Игнатия Ставропольского» (списал надпись с таблички у во-

рот). А это далеко не окраина мегаполиса, какой-то сквер на улице Советской Армии и в торце Лазаревской. Неподалеку вдоль Лазаревской бледно светилась останкинская игла, а тут, над трапезной, в негустых деревах, по-городски коротко тенькала птица.

Поздний ужин, укладывание на ночлег прямо на полу Покровской церкви: матрас здешний, спальник свой (спасибо товарищу-петрозаводчанину Николаю Почтовалову, ссудил на дорогу). «Так мы не первые будем у вас так ночевать?» – обязан был спросить я у прислужницы, когда увидел, какое количество матрасов сложено в пристройке. «Да какие там первые! Но к семи утра надо все освободить перед службой», – был ответ. А я и вообще не знал, что можно ночевать в действующем храме. Засыпание под взглядами множества икон. Последние проблески затеи: «Как бы найти-встретиться здешних потомственного новгородца Валентина Устинова и моего соратника сибиряка Юрия Зафесова (чеченская кровь, русская душа)?

Утро. Библиотека № 95 на Юго-Западе, при ней музей Н.М. Рубцова. Встреча с Майей Андреевной Полетовой, которая задалась целью собрать воспоминания о Н.М.Рубцове.

Проход по музею-комнатке под повествование М.А. Полетовой. Фото матери и отца поэта, Александры Михайловны и Михаила Андриановича (Николай Михайлович был пятым ребенком в семье). Колено стихотворение 1950 года «Два пути», когда ему было 14 лет: людный тракт, от него «в сторону далеко, В лес уходит узкая тропа... Я уйду тропой». Похвальная грамота, выданная «ученику первого класса Никольской Н.С. школы Вологодской области, Тотемского района, с.Никола Рубцову Николаю за отличные успехи и примерное поведение. С.Никола 20 июня 1944...» Пестерь, грабилка для

Москва

сбора ягод. «По сто килограммов клюквы приносил он из леса....» (из слов Майи Андреевны). «Чашка, из которой пил Н.Рубцов, будучи в гостях в Тотьме у своей учительницы литературы Анны Феодосьевны Корюкиной» – чашка и блюдце с сиренево-голубыми цветками по ободкам, алюминиевая ложка, хорошо знакомая тому поколению. И фотопортрет самой учительницы на лавке у окна, завешенного шитым полотенцем, за столом, на котором эта самая чашка, рядом самовар. Внизу поленья дров. Я примерил на глаз: в нашу городскую печку такие дрова бы не влезли, длинноваты. Открытка от дочери Елены: «Вологда, ул. Яшина, д.3, кв.66. Здравствуй, папа. Поздравляю с наступающим новым годом и днем рождения... Пошли мне посылку...» В роковые дни его ждали в Тотьме, но поднялся такой буран, что даже трактор не мог пробиться, и к нему в квартиру пришел убийца. Штора с окна поэта... Стеклянный шкаф с его книгами и слова композитора Георгия Свиридова: «Николай Рубцов – тихий голос великого народа, потаенный, глубокий, скрытый...»

Наши журнально-газетно-книжные и «предметные» подарки музею, а каждому из нас ответно – по книге М.А. Полетовой «Пусть душа останется чиста... Н. Рубцов. Малоизвестные факты биографии», изданной, кстати, в Академии поэзии, которой руководит участник первых, мурманских, Дней славянской письменности поэт Валентин Устинов, с которым, как и с Ю. Зафесовым, так и не удалось повидаться: дачно-праздничные выходные.

Переезд на Славянскую площадь в самом центре Москвы, к памятнику Кириллу и Мефодию. Первомай, на постриженной лужайке в центре русской столицы «по-английски» рассредоточились группами парни и девушки, в том числе и неславянской, как сейчас

выражаются, наружности, и «понашенски» пьют пиво «по»... каковы? Они же с банками и бутылками в руках обсели постамент равноапостольным братьям-славянам, десятки экземпляров пустой тары из-под этого напитка – на земле, постаменте и в урнах, стоят и лежат на боку. Везде милиционеры, смотрящие куда-то поверх.

Ждем писателя Семена Ивановича Шуртакова – давнего друга мурманчан и автора книги об истории Дней славянской письменности и культуры. Наконец он приходит, и все обступают хозяина гостя: «На том краю этой площади стоит церковь Всех Святых на Кулижках. По этой площади из ворот Кремля и по этой вот улице и параллельной ей уходили войска на Куликово поле...» Молебен у подножья памятника, отдача земли, взятой в Мурманске около тамошних бронзовых Кирилла и Мефодия (от памятника к памятнику), небольшая речь В.Л.Тимофеева: «Сегодня нами выполненное дело говорит о том, что Россия выздоровеет, станет большой, красивой страной...» К нам начали подходить некоторые прохожие с вопросами: «А кто вы такие? А зачем вы?.. А кто это? (пальцем в памятник). Отвечаем, раздаем газету «Славянский ход», где имеются разъяснения на наш счет. Про братьев максимально коротко: «Они нашу азбуку придумали».

ВТОРАЯ НОЧЕВКА В ЦЕРКВИ

Утром те, кто вчера постился, принимали причащение: Радоница, главный в году день памяти об усопших. Мы ставили свечки и памятные записки. В моей, в колонке «за упокой», имен оказалось меньше, чем «за здравие». Короткая наша память. Но – петрозаводские, коломенские, сортавальские и песчанские мои родичи!..

Быстрый визит на улицу Долгопрудную, в мастерскую к скульптору Василию Николаевичу Селиванову, для нас интересному тем, что он, кроме прочих, автор бюста героя-подводника Маринеско, а сейчас взялся по фотографиям изготовить бюст В.С. Маслова.

Отъезд в Покровский женский монастырь, что практически в центре Москвы (стояли в пробке на Таганской площади, сбоку про мельнуло здание одноименного театра): сегодня же – день памяти святой блаженной Матроны Московской, небесной покровительницы столиц, и Патриарх совершил здесь Пасхальное поминовение. Длинная очередь желающих прикоснуться к мощам Матроны. Внутри медленно движущаяся масса людей. Передо мной огромный «подсвечник», над которым густое поле из столбиков огня. Женщина из числа obsługi (или как называть?) вытирает стекло иконы, к которой постоянно подходят молящиеся. Молодая мать подняла под мышки мальчика, тот поцеловал икону, а возвращенный на пол, неуверенно перекрестившись, долго смотрел на этот «подсвечник». Женщина тушит и собирает свечки, чаще тонкие, подешевле, догоревшие до половины, и освободившееся место тут же занимает другой высокий огонек: стоят рядом с горящими в руках, ждут...

«Христос Воскресе!»

По окончании службы мы уходим к автобусу, чтобы подготовиться к встрече с Патриархом в его резиденции, в Свято-Даниловом монастыре, но неожиданно нам сообщают, что Алексий II готов принять нас уже сейчас и здесь. Когда шли сквозь очередь с иконой Всех Кольских Святых, женщина с ребенком попросила: «Можно нам под иконой пройти?» И прошла. В особом здании монастыря, выше трапезной (нас и покормили) ожидаем в небольшом зальчике с тремя попугаями в

клетке. Наталья Устиновна Маслова: «Я сегодня стояла под иконой Матроны...» И вот охранники зашевелились, приблизились – по лестнице поднялся Патриарх. Короткое напутственное слово («Вы находитесь в монастыре, который восстановился полностью одним из последних в стране... Здесь есть приют, где дети получают воспитание и образование... У нас общая культура, традиции и единая православная вера... Я рад видеть вас, совершивших большой путь, и пусть Господь помогает вам...»), в подарок каждому из нас по иконе, ответные мурманские дары. Отчаянно покраснев, Н. Большакова прикальвает к одеянию Патриарха значок с надписью «Славянский ход». Благословение Алексия II на дальнейший наш путь. Теперь все честно признаются, что до последнего мгновенья сомневались в возможности такой встречи, и вот...

Двор, в теплом затишке у иконной лавки расцвели четыре черемухи... Просматривая бегло историю этого монастыря (информации везде много), я неожиданно

обнаружил то, что безуспешно искал в разных изданиях: «Покровский ставропигиальный... у Покровской заставы. Возрожден в 1994 году... Матрона Московская 9/22.11.1881 – 2.05.1952. Блаженная старица Матрена Дмитриевна Никонова. Родилась в селе Себино Епифанского уезда, теперь Кимовский район Тульской губернии. Примерно в двадцати километрах от Куликова поля...» Так все это надо же сообщить моему однокласснику, товарищу по парте и жизни Александру Ивановичу Себину, чьи ближние корни – в вологодской земле (родители перебрались перед войной под Сортавалу, уезжая с будущего дна Рыбинского водохранилища, когда более 700 деревень ушло под воду), а дальнение... Пусть ищет!

И, отъехав, заблудились в Москве – какие-то шоссейные развязки, сплошные склады с заборами. Вечерняя встреча в Союзе писателей России на Комсомольском, 13. Семен Шуртаков, Владимир Костров, Геннадий Иванов, Анатолий Парпара, Николай Переяслов, Александр

Дорин, Николай Иванов, Марина Ганичева, Галина Аксенова, Валентин Орлов, Георгий Свиридов, Олег Бавыкин и другие. Жаль, не было старого знакомца по литобъединению в Петрозаводске при редакции газеты «Комсомолец» – он тогда служил срочную в Петрозаводске, а теперь хорошего прозаика и заодно редактора газеты «Российский литератор»! Коли... Прошу прощения, Николая Ивановича Дорошенко, которому я однажды (давно, до его сегодняшних постов) посвятил стихотворение, первые и последние строчки которого: «Картошка – три рубля ведро на сонной станции под Курском... Едва не обмелел Донец, смочивший Игоревы стяги». Три рубля! Как давно это было!

По завершении в Центре духовно-патриотического воспитания имени святого праведного воина, в светской жизни адмирала Федора Ушакова, созданном при СП, перед его иконой в левом от входа углу наш священник-«моряк» иерей мурманского храма Спаса-на-Водах отец Сергий совершает молебен в честь этого воина и святого.

Незапланированный заранее заезд в подмосковную Дубну: очень просил о встрече поэт (уже и прозаик?) Игорь Олегович Козлов. Он хоть юридически и москвич (дубнинец?), но одновременно и душевно – мурманчанин, ибо, работая многие годы на исследовательских судах, выходил на них в море и возвращался на родину – через Мурманск, и потому у него здесь друзей-товарищей!.. Тем более по литературной части. Игорь пишет стихи и прозу, а недавно совместно с православными священниками, в том числе и с ярославскими, организовал один раз в год бардовский (православно-авторский) фестиваль, в жюри которого входит и Николай Колычев. Кто заинтересуется, пожалуйста на сайт Православие. Дубна. РУ

В левом ухе Игоря блестит не

пристойное для его возраста, профессии и стиля жизни металлическое кольцо (до революции таковое носили только отдельные казаки, но это серьезно-отдельная тема), сейчас же... Игорь объясняет его появление просто: «Я прошел все океаны, пять морей и два пролива. Поэтому, когда говорю это молодым в школе, многие после моих слов свои кольца снимают...»

Из «книги пожеланий»: «Как прекрасно дышится с вашими добрыми православными людьми... (подпись неразборчива. – В.С.)», «Ребята и девочки! Приятно было вести для вас экскурсию в музее Васильева. Желаю пробудить в себе мудрость народную... Ирина. 1.05», «От Совета Международной славянской письменности и культуры сердечно приветствую участников Славянского хода... Член Совета, участник Славянского хода в Сербию и Черногорию Семен Шуртаков. Москва, Славянская площадь, у клыковского памятника первоучителям славян Кириллу и Мефодию», «Хорошо, что приехали! Дмитрий Пильнов (это, кажется, один из прохожих, кстати, оставивший адрес своей электронной почты. – В.С.)», «Славянский ход – это проникновение славянских народов, возвращение к первокорням, к первооздоху, к первозвуку, к зыку, то есть к языку. Анатолий Парлара (поэт. – В.С.)», «Живя в Заполярье, я всегда принимал участие в праздниках Славянской письменности и культуры (г. Заозерск). И сегодня горд принять участие... в ходе, который связывает весь мой родной Северо-Запад России. Спасибо... Игнатий Белозеров», «Славянский ход – еще одна кровинка... русского организма. Алексей Дорин, секретарь правления СП России», «Славянский ход от Мурманска к столице течет рекой, бурлящей и сто-лицей, и, из-

гоняя из души недуг, в нем вызревает наш славянский дух. Николай Переяслов, секретарь правления СП России», «Славянскому ходу быть вечным!.. С любовью к Мурманску и Кандалакше, Белому морю и пароходству... Геннадий Иванов, первый секретарь правления СП России».

ОПЯТЬ НА СЕВЕР! ЯРОСЛАВЛЬ

– **А** что это такое, «литературная землянка»? – вспомнив короткий ее рассказ в Петрозаводске, решил я расспросить подробнее Галину Николаевну Смирнову, чье кресло было рядом с моим, а тут, в дороге, наконец появилось время для подобных уточнений. Суммарный ответ, составленный из ее слов и из взятого ею с собой в путь «отчета о работе»: «Я двадцать лет руковожу военно-патриотическим клубом «Поиск». Посещаем боевые корабли Северного флота и погранзаставу в Тюва-губе, участвуем в велопробегах по странам Баренц-региона, то есть по Финляндии и Швеции, ездили на военно-исторические фестивали в Выборг, Тверь и Санкт-Петербург...

Изучаем с ребятами историю всего Отечества и нашего северного края, проводим уроки мужества, участвуя во Всероссийской Вахте памяти – «Тропою героев Заполярья», а на полуостровах Рыбачий и Средний, на острове Партизанский (кстати, отец нашего поэта Владимира Смирнова, Александр Сергеевич – был командиром партизанского отряда «Большевик Заполярья»), приводим в порядок воинские захоронения... В последний раз – кладбище, на котором лежат 2462 советских воина. Приезжаем, устраиваем полевой лагерь, работаем, выпускаем «боевые листки»... Создаем художественно-литературный альбом «Рыбачий» с рассказом о поэтах,

бывавших на Севере в войну. Наши земляки-поэты К.Баев и А.Подстаницкий погибли. Последний лежит в братской могиле около Повенца, на берегу Онежского озера. В области уже прошли одиннадцать Баевских чтений, есть литературная премия «их» имени... На полуострове Средний мы, члены клуба «Поиск», нашли место, где находилась землянка, в которой бывали корреспонденты-поэты Д.Ковалев, К.Симонов, В.Лебедев-Кумач, Н.Букин... Их много тут перебывало. Установили обелиск. Одно чувство, что здесь были написаны такие статьи, такие песни!.. В том числе и «Прощайте, скалистые горы...» на слова Н.Букина.

В Тимофеев: «У нас в Мурманске есть школа имени Константина и Мефодия, у вас – православная гимназия...» Его стихи о равноапостольных братьях, стихи Д. Коржова о Сербии, А. Колесова: «Славяне есть славяне...», мои – о Ярославле и «Слове о полку...», стихи Н. Кольчева, И. Поливцевой, А. Попова, поморская песня из свадебного обряда... Профессор Надежда Григорьевна Благова: «Те, кто приехал к вам, – не случайные люди. Это те, кого можно назвать творческой патриотической интеллигенцией... В России есть силы, которые работают во имя будущего России...» Местный отец Александр: «У нас культуры много, а ее носителей мало... Сегодня мы впервые принимаем участие в Славянском ходе...» Наш отец Сергий: «Этот ход значительно отличается от предыдущих тем, что в нем духовная составляющая больше, чем в прежних...»

В свободное время я пытался отыскать в городе Ольгу и Степана Месчан, с которыми мы подружились, живя в конце восьмидесятых в моей североладожской Сортавале. В девяносто каком-то году мы с женой даже сумели однажды приехать сюда к ним, после чего я

написал «ярославское» стихотворение и посвятил его этим интересным людям, но... Оставил книжки для них с автографами – в библиотеке: дозвонюсь, скажу, где искать. А выступая со стихами, прочел, естественно, это «их» (о том, как в Смутное время ярославцы, не зная того, спасли для себя и нас «Слово о полку Игореве») и обращенное к своей маленькой дочери Марии «Славяне, забыли мы имя свое, закончив походы на Тихом...»

Раннее утро 3 мая, Свято-Введенский Толгский женский монастырь, который стал первым возродившимся в России (1987), игуменья Варвара с рассказом об обители. Перед главными вратами остановился автобус с «нероссийским» типом номера – «509-84 РБ». Спросил у наших водителей, те не очень уверенно: «Украина, кажется». Так и оказалось: то прибыла в паломничество из православной воскресной школы при Свято-Троицком Ионинском монастыре в Киеве группа учащихся с несколькими преподавателями (по речи не различить с русичами), о чем мы узнали буквально в последние минуты перед нашим отъездом. Помощник руководителя экспедиции Андрей Власюк: «Мы много городов уже проехали, останавливаясь в монастырях, а здесь – Калуга, Ярославль...» Их торопили, да и уже начинали обманывать ждущих нас вологжан. Успели только обменяться малыми подарками, мы им – газету «Славянский ход» с информацией о нашей экспедиции, они нам – бумажные иконки преподобного Ионы Киевского чудотворца из «незалежной», сфотографироваться на фоне нашеавтобусной надписи: «Россия! Русь, храни себя...» Не всегда у нас получалось – хранить.

Из «книги пожеланий»: «Христос посреди нас есть и будет. Священник Александр (Смирнов).

Ярославль

Ярославль», «Хорошо, что встречаются хорошие люди. Г.Кемокидзе (руководитель местного отделения СП России. – В.С.), «Мы очень рады, что нам удалось встретиться с вами. На многое открылись глаза... От лица нашей православной гимназии имени Св. Игнатия Брянчанинова гимназисты 9-11-х классов Анна Ивхницкая, Анна Бакало (если я правильно прочитал их фамилии. – В.С.), Дарья Тульчий», «Да

хранит нашу землю Господь. Николай Скромный».

РУБЦОВСКАЯ ВОЛОГДА

Дорога подворачивает ближе к дому. Проезжаем деревню с названием Ям. Еще деревенька с кладбищем, жгут траву, река Лунка, вдоль дороги плотным «снегозаградительным забором» – близко посаженные елки, первая такого рода примета близящегося милого сердцу Севера. Женщины копают огород, здесь уже времяя, а у нас... 10 часов 20 минут. В автобусе спят, только Н. Большакова сидит на ступеньке впереди прохода и капитански смотрит вперед. Зеленоватая вода... «Соть», – читаю на указателе. Сить? Битва под весну 1238 года попытавшихся объединить свои разрозненно-княжеские силы русичей с туненами Орды? «Утром тихо на Сити. Пити...» Боже мой!..

Заблестел новыми жестяными крышами Грязовец, по обе стороны трассы – реклама, реклама... Вспаханное и хорошо отdiskованное, от края и до края, поле...

Въезд в Вологду, где мы проведем два дня. Улица Мира, площадь Победы, первый увиденный за поездку бомж – два чем-то набитых пакета в руках, голова тряется... Дома с кружевными наличниками, «где резной палисад...», справа, за железнодорожным мостом – купола, крепостные башни... Замечаю, что в последнее время стал моден желтый цвет: и дома, и машины, и реклама все чаще в этих тонах. Скверы, в которых побелены известкой на метровую высоту все деревья. Береза, а на ней сразу семнадцать гнезд, и из одного торчит птичья голова, вертится... Владимир Зяблов: «... Считалось, что отец бывшего вашего, петрозаводского, журналиста, а теперь председате-

ля правления Союза журналистов России Вячеслава Богданова Петр Александрович погиб на территории Финляндии и там и лежит его тело, а я нашел его могилу – у нас... Теперь будем благоустраивать воинское кладбище...»

Железнодорожный вокзал. Николай Скромный, подсевший к нам в Москве, вынужденно отделялся от нас, уезжая на операцию. Объятья, благословение отца Сергея, напутствие нам: «Храни вас Господь!» и перекрестил нас, остающихся. Мой сосед впереди А.Попов трижды перекрестил его спину. Мы до этого и после молились за Николая...

Поездка на могилу Н.М.Рубцова, последнего великого русского поэта. Отец Сергей: «Я принимал участие в освящении этого памятника...» В.Тимофеев: «Как Николай Михайлович своей судьбой связал Россию – Архангелогородчина, Вологодчина, Мурманск, Санкт-Петербург, Москву... И мы своим Славянским ходом стараемся...» Неподалеку от рубцовского – холмик поэту Сергея Чухина... Поминальная служба. Возвращение в город, крутой склон к реке, как и у нас усеянный пустыми «баллонами» из-под пива (так молодежь любит свою отчину?), памятник поэту – чемоданчик в руке, шарф через плечо и т.д. Улица, названная в честь недавно широко известных на Севере художников и иллюстраторов Михаила и Генриетты Бурмагиных, за рекой трижды пропел петух, церковь Варлаама Хутынского... Квартира Нинели Александровны Старичковой на Зосимовской, 2-6: «Николай Рубцов жил у меня одно время... Вот картина из его дома («Грачи прилетели»), кресло, штора... У нас вроде музея...»

Городская школа №15, где висит такой лозунг: «Русским мало родиться, русским надо стать», директор Ольга Васильевна Кузякина: «Наша школа – с национально-

региональным компонентом... У нас ежегодно в январе проходят дни памяти Николая Рубцова, а за несколько дней до смерти приходил Александр Романов. Осталась недописанной его статья «Здравствуй, племя молодое...» Была встреча с писателем Сергеем Алексеевым. С этого года есть четыре кадетских класса, которые опекают казаки из вологодского казачьего отдела — мужское воспитание. Они за это получают по две тысячи, но доплачивает и атаман... Все, что в школе из дерева — это наши дети сделали...» Она имела в виду, в первую очередь, резьбу по дереву на стенах. Резьба действительно профессиональная, на мой нехудожнический взгляд. Учитель технического труда Николай Павлович Калининский, который и увлек ребятню резьбой, выносит какую-то деревянную картину (как иначе назвать вид деревни, не написанный красками, а вырезанный объемно?) и спрашивает нас в надежде на ответ: «По нашим представлениям, ей около ста лет. Что это?..» И я, земляк К.А. Гоголева, о котором

уже говорил, естественно, вспоминаю о нем, о его таланте художника-резчика: «Кажется, вам может помочь только наш сортавальский Кронид Александрович... Он и может своему делу поучить ребят. Лучшего «ответчика» не найдете. Напишите, даже лучше съездить к нему в мастерскую. Его адрес...»

Улица Монастырская, около одного из домов — машина бревен, стен разобранного где-то дома, нетрезвые мужички, вдали от монастырских ворот — дом-интернат для престарелых и инвалидов, на реке разворачивается прогулочный теплоходик с надписью на борту «Дионисий». Спасо-Прилуцкий монастырь (1371), основанный игуменом Димитрием, «который был другом и сомолитвенником Сергия Радонежского...» и возобновленный в 1991 году, сейчас в нем братии семнадцать человек. Небольшое кладбище, могила поэта Константина Николаевича Батюшкова. Рядом с ним хотел быть положен Николай Рубцов, но тогда в монастыре размещались армейские артиллерийские склады и... Монах, инон Александр, который водил

рассказывал: «Монастырь в 1924 году закрыли. Сначала здесь был приют для беспризорников, потом — для переселенцев — колхозы, ссылки, в том числе с Украины... Иконостас был продан за границу... У церкви барабаны — вологодско-новгородского стиля... Иностранцы говорят, что русские — железные люди с железными ногами, так как у них даже дети по шесть часов стоят в церкви... В нашем колодце вода: врачи искали бактерии, нашли одну. Видно, из своей же пробирки (юмор монаха. — В.С.)... Я?.. Я раньше был баскетболистом, тренером, мои воспитанники побеждали... Писатели — опасная профессия. Напишут ересь, потом раскаются, а труды-то их продолжают действовать...» И я вспомнил о Булате Окуджаве, который перед смертью принял крещение и стал Иваном, но у нас продолжают петь песни — Булата. И про воду за пять минут до того, ужина в трапезной, сказал убравшим со стола, что у них вкусный чай... И про приют для пересыльных: «Не его ли описывал в своем «Великом переломе» (или в «Канунах»?) Василий Белов?..

Улица С.Орлова, 15 («Здесь прошло детство Варлама Шаламова, отец которого был протоиереем...»), соответствующая памятная доска на стене («А доски в честь Александра Александровича Романова до сих пор нет...»). Продажа кваса по «пивной» цене, Соборная горка, Кремлевская улица, кремль, одну из стен которого повело, наклонилась...

И все же Вологда — больше литературный, чем какой-то иной город! Дом, в котором на первом этаже несколько комнаток, занятых здешней писательской организацией СП России, а на втором этаже, кроме прочего, и музей Н.М.Рубцова, по которому нас водил председатель правления Михаил Иванович Каравеев, а вообще-то заведует им, открытым 18 февраля прошло-

го года, Людмила Ивановна Богданова. Фото маленького Коли, один из его ученических табелей со сплошь пятерками и четверками (первых было даже больше), фото отца и матери поэта («Их могилы утрачены...»). Автограф стихотворения «Зима» будущего великого русского поэта, а писать стихи он начал с шести лет, датированный 1945 годом: «Дети весело щебечут, как птицы раннею порой...» Автограф его раннего рассказа: «Дикий лук... Давно это было. За Прилуцким монастырем на берегу реки собирались мы однажды все вместе – отец, мать, старшая сестра, брат и я, еще ничего не понимающий толком...» И еще один, школьного сочинения «О родном уголке»: «Тихий красивый город Тотьма, утопающий в зелени садов, расположенный на высоком живописном берегу реки Сухона... Последний отвальный гудок дает пароход «Чернышевский»...» Рубцовская пишмашинка «Олимпия», у которой каретка была сдвинута влево, как будто на ней только что была отпечатана очередная строка и вынут лист, фото дочери поэта Елены Николаевны, его шестнадцатилетнего внука Николая, вступившегося за товарищей, за что ему через две недели смертно отомстили («Одна из версий, очень трудно идет следствие...»), фото деревни Самылки, прародины поэта, просмотр совсем коротенького беззвучного документального телефильма 1967 года «Поездка по Сухоне», который комментировал критик Вячеслав Сергеевич Белков: А. Романов, А. Яшин, С. Чухин, вот мелькнул Н. Рубцов («Ему в России поставлено пять памятников... Еще в Москве и Санкт-Петербурге зашевелились на этот счет...»), Белое озеро, Яшин и Рубцов вынимают рыбу из сетки и, чуть приселив, шутливо едят – сырую. Единственные кадры, где Рубцов читает стихи,

взмахивая рукой совсем по-маяковски. «Что читает?» – спрашивает Н. Колычев, на что Белков: «Приглашали глухонемого, чтоб по губам отгадал, не смог расшифровать...» Второй фильм, уже 1985 года, как на Сухоне открывали памятник Николаю Михайловичу.

Первая (наконец-то получил) и последняя квартира Николая Михайловича на пятом этаже дома по улице имени А. Яшина, про которую счастливый квартиросъемщик говорил: «Я живу выше всех, выше меня только Бог». Первая любовь поэта – Татьяна Агафонова, гражданская жена, убийца Дербина («Она сидела в тюрьме по улице Советской и пять лет могла из окна своей камеры видеть дом, где совершила преступление...»).

Встреча с вологодскими писателями. Из знакомых лиц – только Ольга Александровна Фокина (по снимкам) и молодой прозаик Дмитрий Ермаков. Н. Колычев, обращаясь к О.А. Фокиной: «Я так давно хотел Вас увидеть...»

«На стихи Рубцова профессиональными и самодеятельными композиторами написано более 400 песен и романсов...» Как забыть: в Сортавале отвозку свою маленькую дочь в садик, долго идем по железнодорожной насыпи, где кругом на двести-пятьсот метров одна вода да кочки. Безлюдье. И, уча ее ходить по тонкой рельсе, нетихо пою только появившуюся песню (ее тогда часто гоняли по радио, объявляя название группы, но редко называя фамилию поэта): «Я буду долго гнать велосипед, в глухих лугах его остановлю, наарву цветов. И подарю букет той девушке, которую люблю...» Дщерь тоненько подтягивает отдельные слова...

Из «книги пожеланий»: «Очень рада встрече с мурманчанами, северянами, земляками – людьми родными, замечательными! О.Фо-

кина», «Рубцов был дежурным по русскому слову. А я вот дежурю теперь по Рубцову. В.Белков», «Всех помним!.. М.И.Карачев. 4.05», «Славянский ход – это наш ход. Пусть он будет. И он будет! Дмитрий Ермаков».

ФЕРАПОНТОВО

6 мая, утро, отъезд в Вытегру. Деревни друг от друга – через неширокое поле, на расстоянии песни и взгляда: «Ельма» (река) «Вотча», «Подолец» (Киев, Подол...) и первое зеленое поле, справа – одинокая, без церкви, колокольня, «Митинское», «Делялевка», указатель со стрелкой вправо «Чудотворный источник», именно так, «чудотворный!.. И до того еще слабо гудевший разговорами автобус затих. 12.05. Шум, разговоры: «Проехали Кирилло-Белозерский монастырь. Как это? Разворачивайтесь... Давай проголосуем...» Поскольку дорога узковата для нашего длинного автобуса, развернулись на ближайшей развилке. Ферапонтово, «белокаменный остров» на всхолмье над озерком, внизу жилые дома, и сквозь редкую зелень надпись на плакате: «Фрески Дионисия – духовное наследие России». Мировое художественное наследие, охраняемое ЮНЕСКО! Наряду с нашими Кижами!

Монастырская горка, выпуклый двор, церковка, в которую впускают только по пять туристов...

Чтобы узнать о Ферапонтове – читайте труды специалистов, а я не мастер, даже не подмастерье в этом деле. Но одно личное впечатление могу привести. При рассказе экскурсовода («...дши») я, понятно, не мог запомнить всего, будучи к концу поездки доверху переполненным тем, что называется впечатлениями. Высокий свет, излучение красок, ровное гуденье какого-

то прибора («Это пылеуловитель»)... Я за то короткое наше время стояния здесь старался просто запомнить, «сфотографировать» все, что получится, чтобы позже, через дни и годы, ибо удастся ли во второй раз приехать сюда, всплывали из сердечных ли, «мозгово-логичных» ли глубин памяти обрывки этого сугубо личного «кинофильма» под названием «Дионисий». И обернулся назад, и около входа, через кой мы шагнули под этот купол, увидел (надо выражаться «мое внимание привлекло?») фреску, и в голове само по себе и мгновенно выскочило определение ей: «Это ж наш, двадцатого-двадцать первого столетий, модернизм!..» На мой вопрос экскурсовод объяснила, что — сцена из Страшного суда, ад. В нервном красноватом свете болезненно-пластично, пропадая во мгле, держался... человек: зверь?

ВЫТЕГРА

Дорога. Обед в Липином Бору на Белом озере, которого я так и не увидел. Здесь сидела чудь-весь. И вспомнились строки из «Сказания о Мамаевом побоище» о том, как русичи после Куликовской победы подсчитывали свои потери: «Нет у нас, государь, сорока бояринов московских да двенадцати князей белозерских...»

В придорожном лесу появляются отдельные, уж было забытые нами островки снега. Надписи: «Ивановская», «Семеновская», «Зуево», «р. Индоманка», «Длинный Белый ручей»... Снег под соснами — вплотную к дорожному полотну. И старые, привычные для глаз северянина, дома все чаще. Те, у которых по три окна по торцу, а не 4-5, как принято южнее. Село Девятины, Белоусово, указатель поворота на Анхимово... Так ведь там же стояла до недавних лет 25-главая деревянная церковь, как говорят, предшественница Кижской!..

Ферапонтово

Разговариваю с Алексеем Ивановичем Колесовым о его морском лоцмановском прошлом... Вытегра! «На родине поэта Клюева кричат вороны прямо в ухо...», — вспоминаются строки из стихотворения товарища-петрозаводчанина Александра Веденеева, у которого жена «отслюпешня».

«Звякни в гудок, чтоб собирались в автобусе», — очень по-русски и литературно (а что такое литература?) просьба водителям перед утренним отъездом в город-городок, где есть даже проспект (Ленина) и где я тоже что-то не заметил решеток на окнах. Ну, кроме контор-учреждений. Служба в Сретенской церкви, три свечечки за здравие трех фамилий — своей, Поздняковых (девичья моей жены) и Дроняевых (сегодняшняя моей дочери). В церкви стенд с фотографиями здешних утраченных церквей и почему-то нет снимка той, анхимовской, родни кижской Преображенской.

Тут я отделяюсь от остальных, решив не рисковать и пробираться в Петрозаводск по западному берегу Онежского озера: «ходовцы» проводят в Вытегре аж два дня, а значит...

«И какое может быть крушенье, если столько в автобусе народа...» — попрощался со старыми

и новыми друзьями, благословляя их почти «по-рубцовски».

Улицы Сретенская, 2-го Интернационала, Советская...

Было некогда, проверить это я не смог и стал ждать автобуса. Два молодых парня то перекидывались между собой отдельными фразами, то кому-то звонили по «мобилам». И все – под легкий матерок, правда, слышный не очень далеко от них. А на другой скамейке двое старых мужчин: «Раньше у нас было 155 тысяч голов крупного рогатого скота. Сейчас... Ни одного колхоза не осталось...» И цифры, цифры, фамилии, даты. «Надо что-то делать...» Как наглядный пример, по пристанционному асфальту шествует женщина, ведущая «трехкоэзное» стадо, тишина и – гул автобуса.

Палозеро, Игинжа, Кондуши (на северном берегу Ладоги есть Погранкондуши), Верхнее Понизовье (это по-нашему), Мегра, Водлица, Панский ручей, Оштинский пост... Дорога подчас такая, что иногда наше транспортное средство двигалось со скоростью 10-15 км/час. Вознесенье, звонок Елены: «Машу гулять отпустили». Паром, пятиминутный переезд на северный берег. Ветер с Онего. И опять дорога чуть ли не «лесовозного» качества. Щелейки, на Онего к берегу нагнало льда, Гимрека с деревянной церковкой на ряжу, первые увиденные мной на пастьбе коровы. Пролетели «гриппозные» утки. Край Вологодчины. Каскесручей, где на берегу – недостроенный корпус бота? Лоды? Трасса – только гони. Другая Река, Рыбре-ка... Какой же дом Вячеслава Сидорова, вепса, у которого восьмидесятых были по-русски стихи, и порой неплохие («В бревно родного дома гвоздь забить – как будто бы в свою... руку...»), и которого я тогда горячо убеждал попробовать писать по-вепсски? Еще яблоньки у стены должны быть. Нет, не «идентифицировал». Узнал от нового пассажира, зашедшего здесь и севшего рядом, про давне-

го знакомца, что жив. Дочки в городе. А сам мой новый сосед, хоть я его и не спрашивал, стал делиться о себе: живет один, едет в Эссойлу, надо помочь...» Еще одна русская (вепсская?) судьба. Славянский ход.

Звонок тестя: «Ты где?» Отвечаю, а он не слышит, что-то с сигналом.

Не все из задуманного мурманчанами сбылось. Жизнь. Не удалось встретиться с Николаем Коняевым, чья книга «Николай Рубцов», впервые вышедшая в серии «ЖЗЛ» (в «Севере» печатался ее первый вариант?), выдержала более двадцати изданий, и скульптором Вячеславом Клыковым, с некоторыми представителями власти в областях, которые оказались заняты срочными делами, посетить некоторые монастыри и музеи. Наконец, побывать в Емецке, на родине Н.М. Рубцова. Зато случились и незапланированные добрые события – заезд и встречи в Кронштадте и Дубне. Я ж по сути не увидел Вытегры, не встретился с моими пудожанами. Прости, Юрий Иванович, но я все-таки еще попаду на твое крыльцо.

Пока ездил, умер (и успели уже похоронить) Александр Краснов, автор «Севера», который в самые безгосударственные для Советского Союза годы защищал Россию на берегах Днестра.

– Надежда Павловна, я дома. Счастливо вам доехать. В следующий раз не проезжайте мимо! Поклон Песчаному и Мурманскому, – это я позвонил «в автобус» уже из Петрозаводска. По моим подсчетам, мои славяне в это время проезжали где-то в районе старинного русского села Песчаное. А вечером моя дочка Мария родила дочь...

Поздний вечер 25 мая, по печатной телепрограмме канала «Культура» – кажется, единственная передача про Дни славянской письменности и культуры, и то

названа так, что не знающий о празднике вряд ли и догадается: «В начале было Слово». Все добро, но новой Пелагеи не случилось. А когда под конец меня еще раз информировали, что «мы – дети галактики...» Последний кадр передачи – трезвонят колокола на специально отстроенной перекладине, и она ходит от их веса и качанья. Одиннадцать часов пятьдесят пять минут, праздничный день завершается, завтра – безнациональные будни?

...Итак, последние по времени (с 2000 года) столицы празднования Дней славянской письменности и культуры: Рязань, Калуга, Новосибирск, Воронеж, Самара, Ростов-на-Дону. Этим мае гостей встречал Ханты-Мансийск, а следующей весной – Коломна.

«Услышал князь Олег рязанский, что Мамай кочует на Воронеже, а хочет идти на Русь... Помышляли же Олег рязанский и Ольгерд литовский, что если князь Дмитрий услышит о цареве приходе... то убежжит из Москвы в Великий Новгород, или на Белоозеро, или на Двину... А сам князь великий разоспал по всей Русской земле скорых гонцов со своими грамотами по всем городам: «...Соединитесь все на Коломне на Успенский пост». Сторожевые замедлили в поле, и князь великий послал вторую засставу: Клиmenta Полянина, Ивана Святослава Свеславина, Григория Судокова и иных с ними...» («Сказание о Мамаевом побоище»). «На Москве кони ржут, звенит слава русская по всей земле Русской. Трубы трубят на Коломне... стоят стяги у Дона великого на берегу. Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде... А Борис и Глеб молитву воздают за сродников...» («Задонщина»).

«Так что в следующем мае обязательно двинусь «на Коломну», – сказал я жене. – Поехали вместе?...»

Славянский ход...

Крестный ход

в селе Великорецкое
Кировской области
в фотографиях
Евгения Туманова.

